

ДЖЕЙМС ДЭШНЕР

ДЖЕЙМС ДЭШНЕР

ГОСПОДСТВО
МЫСЛИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д94

Серия «Бегущий в лабиринте»

James Dashner
THE RULE OF THOUGHTS

Перевод с английского *Н. Абдуллина*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Dystel & Goderich Literary Management и Andrew Nurnberg.

Дэшнер, Джеймс.

Д94 Господство мысли / Джеймс Дэшнер; [пер. с англ.
Н. Абдуллина]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 320 с. — (Бегущий в лабиринте).

ISBN 978-5-17-088608-1

Майклу шестнадцать, и он — один из самых успешных геймеров в виртнете — совершенной игровой паутине с сотнями тысяч локаций. Здесь возможно все: поохотиться на драконов в Средневековье, поучаствовать в Войне за независимость США, полетать на звездолетах, испытать самые невероятные ощущения! Но новый уровень, обещающий небывалый адреналин, — не для слабаков. И здесь происходит что-то странное...

Каин, разумный компьютерный вирус, поражает аватары игроков, не то убивая их, не то вселяя в их физические тела виртуальных шпионов.

Запертый в чужом теле Майкл пребывает в унынии. Друзья далеко, а Каин буквально дышит в затылок, требуя принять новые правила игры. И хуже всего то, что на размышления у Майкла есть только три дня, после чего чудовищная компьютерная программа обретет бессмертие...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© James Dashner, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-088608-1

*«Армии Дэшнера» посвящается.
Мы вместе*

Глава 1

В ЧУЖОМ ДОМЕ

1

Майкл больше не был собой.

Он лежал на чужой кровати, пялясь в потолок комнаты, где очутился всего день назад. Голова кружилась, тошнило; всю ночь Майкл спал плохо, урывками, видел кошмары. Прежняя жизнь разлетелась на части, рассудок сдавал. Само окружение — чужая комната, чужая кровать — беспощадно напоминало о том, что впереди — страшные чистые страницы. Страх жидким пламенем тек по венам.

А семья? С ними — что? Всякий раз при мысли о родных силы таяли еще быстрее.

Первые проблески рассвета — бледного и сумрачного — зловеще озарили занавески на окнах. Рядом с кроватью стоял гроб — жуткий, будто настоящий погребальный ящик, выкопанный из могилы. В голове возник пугающий образ: гнилое дерево дает трещину, и наружу вываливаются человеческие кости. Как теперь смотреть на вещи вокруг? Настоящие вещи. Да и что такое

«настоящее»? У Майкла будто выбили почву из-под ног, лишили всех знаний о мире.

Мозг — теперь его мозг — не мог справиться с поступающей информацией.

Майкл чуть не рассмеялся.

Он ведь обзавелся настоящим человеческим мозгом меньше суток назад! Бездна в желудке увеличилась вдвое.

Неужели все это правда?

Прежняя жизнь — лишь творение искусственного интеллекта. Данные, нули и единицы. Программный код. Искусственное существование. Список эпитетов можно было бы продолжать до бесконечности, и каждый звучал бы ужасней другого. Майкла прежде на самом деле не было, и вот он вынырнул из виртнета в теле настоящего человека. Спасибо Доктрине смертности. Майкл жил, дышал в чужом теле, украв чужую жизнь. Стал чем-то, чего даже не понимал. Прежние представления о мире трещали по швам. Разваливались.

Верить в происходящее или нет? Вдруг он перешел на другой уровень «Бездны жизни»? Как проверить, что реально, а что — нет? Сомнения сводили с ума.

Майкл уткнулся лицом в подушку и заорал. Голова — не своя, непривычная — болела от обилия мыслей, каждая из которых лезла наверх, только бы ее думали. Только бы ее переварили и приняли. Человеком Майкл переживал боль точно так же, как и утилитой. От этого он еще больше путался. До вчерашнего дня Майкл и помыслить не мог, что он — лишь строка кода. Это просто не укладывалось даже... в искусственной

голове. Майкл наконец рассмеялся, отчего голова разболелась сильнее. Неприятное чувство разлилось вниз по горлу, в груди.

Майкл снова закричал. Не помогло. Тогда он заставил себя сесть на краю кровати. Коснулся голыми ступнями холодного деревянного пола не своей квартиры. У него-то дома пол выстилал мягкий ворсистый ковер; в том доме было спокойнее, уютнее, безопаснее. А здесь — холодно, жестко. Хотелось поговорить с гувернанткой Хельгой. Хотелось к родителям.

Такие мысли грозили добить Майкла окончательно. Он старался не обращать на них внимания или запрятать поглубже, обратно в водоворот к тысячам других, однако они вновь поднимались наверх. Ждали, когда их обдумают.

Хельга. Мама и папа.

Если верить Каину, они не более реальны, чем тщательно прописанные ногти прежнего Майкла. Не более натуральны, чем его воспоминания. Он так и не узнает, что ему полагалось помнить согласно программе, а что он действительно пережил в коде «Бездны жизни». Сколько он вообще существует? Два месяца? три года? сто лет?

Он попытался вообразить, что ни Хельги, ни родителей вообще никогда не было, что они придуманы, написаны программой... Не получилось. Что-то тут не клеилось.

Боль, разливаясь в груди, сжала в стальных тисках сердце. Майкла охватило горе. Он рухнул на кровать и уткнулся лицом в подушку. Впервые заплакал, пролив настоящие слезы, которые ничуть не отличались от виртуальных.

2

Боль прошла быстрее, чем Майкл рассчитывал. Только он думал, что отчаяние поглотит его с головой, как оно отступило, дав передышку. Наверное, дело в слезах. Будучи утилитой, Майкл редко плакал. Последний раз, должно быть, в детстве. Сам про себя он говорил: я, мол, не из плаксивых. И зря: слезы помогли унять боль.

Майкл еще раз попытался встать с кровати, и теперь у него получилось. Взяв себя в руки, он вновь ступил на твердый холодный пол. Пришла пора наконец выяснить, кем же он стал. В доме он точно один — раз уж никто не прибежал на его крики.

Майкл прошелся по квартире, включая свет и убирая занавеси с окон, чтобы впустить утреннее солнце. Хотелось рассмотреть новый дом во всех мелочах и решить, стоит ли вообще называть его домом.

Город за окном был незнакомый, но это был город — хоть что-то привычное. Здания лепились к зданиям; по пересекающимся улицам текли реки машин. Люди спешили куда-то по делам, в тоскливом безоблачном небе висел смог.

Майкл приступил к поискам.

В спальнях он не нашел ничего необычного: одежда, мебель, изображения на стенных экранах. Перед самым большим, в хозяйской спальне, экраном Майкл остановился. На экране одно за другим появлялись фото отца, матери, сына и дочери. К новому обличению Майкл еще не привык, хоть и помнил его; было очень странно ви-

деть свое новое тело в ситуациях, которые не находили отклика в душе. Семья на фоне окаймленной дубами реки, на рассвете; дети еще совсем юные, сын сидит на коленях у папы. Еще фото, поновее: в студии, на фоне серого в крапинку задника.

Имелись и другие снимки, в более непринужденной обстановке: мальчик на бейсбольном матче, в форме и с битой; девочка играет в серебристые кубики на полу, улыбается в камеру. Семья на пикнике. В бассейне. В ресторане.

Не выдержав, Майкл отвернулся. Было невыносимо смотреть на такую счастливую семью, тогда как он свою скорее всего утратил навсегда. Затем Майкл прошел в соседнюю, девчачью спальню: там на экране не застал ни одного семейного снимка, только изображения любимых музыкальных групп и кинозвезд, известных и Майклу по жизни в «Бездне». На столике возле оформленной во все оттенки розового кровати стояло распечатанное фото в рамке: мальчик и девочка улыбаются от уха до уха. Девочка, похоже, года на два старше братишки.

От одного взгляда на фотографию Майклу сделалось хуже. Он принялся рыскать по ящикам столов в поисках любых свидетельств, лишь бы понять, чей это дом, кто эти люди. Многого не нашел, разве что выяснил, что фамилия семьи — Портер, а девочку зовут Эмилеа (странное какое-то написание).

Наконец, набравшись смелости, Майкл вошел в свою спальню: смятые простыни, гроб и холодный, жесткий пол. И там он обнаружил то, чего

одновременно хотел и боялся отыскать: имя. Имя того, чье тело украл. Майкл прочел его на бумажной поздравительной открытке на комод.

Джексон.

Джексон Портер.

Сама открытка пестрела нарисованными от руки причудливыми сердечками. (Ми-ми-ми да и только.) Некая Габриэла клялась Джексону в неувядающей любви и грозила ущербом его причиндалам, если он эту открытку хоть кому-то покажет (в конце, разумеется, смайлик). Внизу, рядом с поздравлением красовалось подсохшее пятнышко от слезы. Майкл виновато, словно заглянул куда не следовало, отбросил открытку.

Итак, Джексон Портер.

Не в силах удержаться, он вернулся в родительскую спальню и снова посмотрел на экран. Посмотрел совершенно другими глазами: теперь, узнав имя мальчика, чье тело он занял, Майкл на какое-то время забыл о себе. Он видел, как новое тело занимается чем-то: бегаёт, смеётся, обливает из шланга сестру, ест... С виду такой счастливчик.

И вот его не стало.

У него украли жизнь, похитили у семьи и подружки.

Загубили человека, у которого было имя.

Джексон Портер. Как ни странно, Майкл не ощутил вины, ему лишь стало грустно. Он ведь не выбирал это тело, не сам в него вселился. Впрочем, отчаяние все равно накрыло Майкла с головой.

Оторвавшись от экрана, он продолжил обыскивать квартиру.

3

Майкл рыскал по ящикам и шкафам, пока наконец не понял: больше ничего значимого не найти. Похоже, здесь ответов нет. Пришла пора самого важного и самого страшного.

Выйти в сеть.

Накануне Майкл проверил входящие сообщения — так велел Каин. Сообщение было всего одно: в нем Каин рассказывал, что на самом деле случилось. Впрочем, Каин лишь временно пленил для своих целей виртуальное воплощение Джексона Портера, и теперь оно вновь стало доступно пользователю. Оставалось сжать сергу и выяснить — может быть, даже против собственной воли — больше о новом теле.

Почему-то — совершенно непонятно почему — Майкл ощущал себя не в своей тарелке. Большую часть жизни он провел в сети, взламывая программы без малейшего угрызения совести. Однако на сей раз все было иначе: он не взломал и не переписывал код. Просто вошел в чужое тело — чужое человеческое тело, а красть еще и виртуальное «я»... это уж чересчур.

Впрочем, выбора нет, Джексон Портер ушел навсегда. Хочешь двигаться дальше — прими это как факт. А уж если Джексон Портер не исчез и есть шанс восстановить его в теле, то тем более надо нырнуть в сеть.

Отыскав кресло — самое обыкновенное, не то что мягкое, словно облако, чистое блаженство из прежней жизни, — Майкл сел у окна и опустил занавеси, чтобы чуть скрыть яркий

свет. Глянул последний раз на кипящий суетный город: люди в нем даже не догадывались, что безумная компьютерная программа способна теперь красть их тела. Что в мире что-то пошло не так. Майклу даже стало завидно.

Он на мгновение закрыл глаза и, сделав глубокий вдох, сжал серьгу. Из нее выстрелил, пронзив темноту, тонкий луч света, и в паре футов перед Майклом в воздухе повис широкий голографический экран.

Все, как он и ожидал: виртуальная жизнь Джексона Портера восстановилась, Каин освободил ее. Экран в изобилии усеивали иконки: все, от социальных сетей и игр до школьной программы, стало доступным. Майклу, конечно, полегчало, однако что делать, он все равно не знал. Притвориться Джексоном Портером и бежать? Скрыться от Каина? Выйти на кого-нибудь из виртнет-тусовки? С чего начать? Так или иначе, оставаясь в неведении, Майкл и шага не делает. Нужно много чего узнать. Желательно — до прихода остальных обитателей дома Портеров.

Вопрос: где родители Джексона, где сестра? Майкла посетило нехорошее предчувствие, что Каин и от них избавился, как избавился — если верить ему же — от семьи Майкла.

Наскоро — и безрезультатно — прошвырнувшись по социальным сетям, Майкл отыскал наконец почтовый ящик Джексона. Пролистал входящие сообщения: были там письма и от Габриэлы. Только за это утро она успела прислать целых три штуки. Майкл неохотно открыл самое недавнее.

«Джекс!

Эээ... Ты что, пошел в ванну, уснул там и башкой треснулся? Валяешься, поди, в луже мыльной воды и пускаешь слюни. Нет, ты, конечно, и тогда не перестанешь мне нравиться. Скучаю. Поторопись, что ли? Я пью вторую чашку кофе, а придурок за соседним столиком уже начинает ко мне клеиться. Он то ли носками торгует, то ли компаниями, то ли органами. Приди и спаси меня. Пожалуйста! Может, тебе еще поцелуй со вкусом кофе перепадет.

Спешу!

Габриэла».

К письму прилагалось расплывчатое изображение — должно быть, селфи Габриэлы: смуглая кожа, черные волосы. Симпатичная. Надув губки, она вела пальцем по щеке, чертила дорожку от воображаемой слезы. Карие глаза скосила вниз в притворной грусти.

Скрепя сердце Майкл закрыл письмо и продолжил рыться в ящике.

4

Долго искать не пришлось.

Сразу несколько моментов прояснилось, стоило открыть письмо, которое утром прислал отец Джексона:

«Джекс!

Надеюсь, все путем, приятель? Ты, спорю, давно вылез из постели и уже у них. А? А??? ☺